

деле о неопределенных местоимениях (т. II, § 516—520) рассматриваются формы глагола с неопределенно-личным значением (*dicono, si dice*); в разделе о союзах союз *che* «что» описывается дважды — в § 773 среди причинных союзов (*Causale che und ca*) и в §§ 785—786, объединяющих «все прочие союзы».

Содержание и построение всего раздела, посвященного синтаксису, также не отвечает сложившемуся в современном языкознании представлениям о предмете изучения этой области грамматики. В указанном разделе Рольфс дает подробное описание значений морфологических форм (перечень которых составляет содержание раздела морфологии); далее следует анализ употребления времен и наклонений в условном периоде, после чего рассматриваются функции предлогов, союзов и порядок слов. Разделы о простом и сложном предложении, а также о членах предложения и словосочетаниях в «Исторической грамматике» вообще отсутствуют, и многочисленные примеры, иллюстрирующие различие форм предложений и словосочетаний в староитальянском, в современном языке и его диалектах, рассеяны по различным, не связанным между собой, разделам книги.

Все эти недочеты в построении «Исторической грамматики» препятствуют созданию цельного представления о синтаксическом строе как старого, так и современного языка. Однако, каковы бы ни были несовершенства книги Рольфса, богатство и новизна материала и глубокий анализ отдельных языковых явлений делают ее незаменимым руководством для всякого исследователя, занимающегося вопросами итальянского языкознания.

Т. Б. Алисова

Charles Théodore Gossen. Petite grammaire de l'ancien picard. Phonétique — morphologie — syntaxe. Anthologie et glossaire. — Paris, 1951. 486 стр.

Появление книги Ш. Т. Госсена заслуживает особого внимания: это одна из первых книг, посвященных изучению диалекта французского языка как самостоятельной языковой единицы. До сих пор во Франции авторы диалектологических работ ограничивались изысканиями в области какого-либо одного текста, одного фонетического или морфологического явления, изучением языка одного индивида или в лучшем случае одного селения (кантона). В отсутствии диалектологических работ более общего характера, в том числе и сводных работ, как нам кажется, повинна эмпирическая школа Г. Париса и Ж. Жильерона, идеи которой надолго овладели большинством исследователей.

Появление работы Ш. Т. Госсена¹ (ср. также работы Ремакля и Валькофа по валлонскому диалекту) дает нам основание предполагать, что современная французская диалектологическая школа отходит от некоторых установок своих основоположников, делая шаг вперед в понимании диалекта как реальной языковой единицы, имеющей известную сумму свойственных ей языковых черт и определенную территорию распространения.

В первой главе «Маленькой грамматики пикардского диалекта» Ш. Т. Госсена (стр. 21—33), в которой определяется территория распространения пикардского диалекта, приводятся источники для изучения этого диалекта (хартии и литературные памятники), ставится вопрос о соотношении пикардского и центральнофранцузского диалектов, а также разбирается вопрос о письменном языке (*la scripta picarde*). Во второй главе (стр. 35—98) рассматриваются вопросы фонетики, которые исследуются здесь по схеме Бурсье, широко распространенной в исторической фонетике французского языка. Третья глава (стр. 99—119) посвящена вопросам морфологии, четвертая (стр. 121—123) — синтаксису (фактически в ней разбираются две особенности в употреблении местоимений). В пятой главе (стр. 125—130), как бы обобщающей предыдущие, рассказывается о членении пикардского диалекта на юго-западную и северо-восточные зоны, рассматриваются границы пикардского диалекта и перечисляются черты, объединяющие и различающие пикардский и соседние с ним диалекты. К книге

¹ Ш. Т. Г о с с е н (род. 1915 г.), помимо рецензируемой книги, известен рядом трудов, посвященных изучению отдельных вопросов пикардского диалекта (см.: Ch. T. G o s s e n, *Die Picardie als Sprachlandschaft des Mittelalters*, Biel, 1942; e r o ж e, *Un texte picard du XVIIe siècle*, «Melanges de linguistique et littérature romanes offerts a M. Roques», Bade — Paris, t. 1, 1950; e r o ж e, *Zur Sprache des Livre des Métiers d'Etienne Boileau*, «Sache Ort und Wort. Jakob Jud zum sechzigsten Geburtstag», Genève, 1943 (*Romanica Helvetica*, vol. 20). Последняя работа Ш. Т. Госсена посвящена изучению итальянского языка: Ch. T. G o s s e n, *Studien zur syntaktischen und stilistischen Heroerhebung im modernen Italienisch*, Berlin, 1954.

приложены небольшая хрестоматия (глава VI, стр. 131—177) со словарем и схематическая карта Пикардии, на которой обозначены политические и диоцезные границы до 1789 г. Вопросами лексики автор не занимается, специально оговаривая это в предисловии (стр. 12). Несмотря на небольшой объем исследования, автору удается суммировать большой материал, пользуясь часто методом статистики (стр. 51, 79, 103 и др.). Помимо письменных памятников, автор широко использует данные «Лингвистического атласа Франции», составленного Жильероном и Эймоном.

Одной из положительных сторон рецензируемой работы является сравнение языка литературных памятников и языка хартий. В основном для исследования привлекаются памятники XIII—XIV вв., относящиеся к периоду расцвета пикардского диалекта, а именно: ко времени формирования *scripta franco-picarde* (т. е. литературного языка этой области). В это время количество пикардизмов значительно увеличивается как в литературных текстах, так и в хартиях. Последовательное сравнение памятников этих двух жанров дает ценный материал не только для изучения особенностей пикардского диалекта, но и для разработки проблемы соотношения языка и стиля деловых документов и литературных памятников. В конце XIX — начале XX вв. исследователи предпочитали изучать диалекты на материале языка хартий, отождествляя в известной мере язык хартий с народным языком. При этом литературные памятники расценивались как менее достоверные источники изучения диалектов.

Сравнительное изучение языка литературных памятников и языка хартий привело Ш. Т. Госсена к нескольким выводам: «Ni les chartes ni les textes littéraires ne nous offrent „la langue vulgaire dans toute sa vérité“, comme l'espérait Gaston Raynaud, en parlant des chartes. Tous ces documents nous montrent une langue „littéraire“ picarde que nous nous gardons d'identifier avec le dialecte picard du moyen âge» (стр. 11—12). «Ни хартии, ни литературные памятники не представляют „народный язык в чистом виде“, как полагал Гастон Рэно, говоря о хартиях. Во всех этих документах представлен „литературный“ пикардский диалект, который мы остерегаемся отождествлять со средневековым пикардским диалектом».

Исследование Ш. Т. Госсена показало, что в литературных памятниках встречаются те же диалектные черты, что и в хартиях, но, как правило, в языке хартий та или иная диалектная черта представлена более последовательно, чем в языке литературных памятников [так, например, переход *a* под ударением в открытом слоге в *ei* повсеместно распространен в хартиях северо-восточной части изучаемой области, в то время как в литературных памятниках эта особенность встречается спорадически (стр. 35 и сл.)].

Номимо охарактеризованных выше положительных сторон, книга Ш. Т. Госсена имеет и некоторые недостатки. Отметим ряд неточностей и пробелов:

1. Среди изученных Госсеном хартий отсутствуют пикардские хартии конца XII — начала XIII в., изданные Гисселлингом¹.

2. Текст «Li Vers de la Mort», изданный К. Виндалем (C. Windahl), датируют большей частью приблизительно, относя его к середине XIII в., Госсен же считает, что он создан в последней четверти XIII в. (стр. 162), но не приводит соображений, позволяющих ему уточнить время написания текста. Текст Ренкю де Моильена (Renclus de Moillens) «Li romans de Carité et Miserere», обычно относимый к концу XII в., в хрестоматии Госсена считается текстом XIII в. (стр. 161).

3. В списке литературных пикардских текстов имеется памятник «Les Merveilles de Rigomer» (стр. 27). Специальное исследование языка этого текста, насколько нам известно, еще не проводилось (см. издание Фёрстера). Нет указания на какие-либо исследования и в работе Госсена, и потому нам представляется преждевременным отнесение этого текста к тому или иному диалекту.

4. Произведения Филиппа де Реми (Philippe de Remi) едва ли правильно считать памятниками пикардского диалекта; в целом язык этих памятников более характерен для иль-де-франского диалекта. Ведь известно, что и в произведениях Конона из Бетюна (Conon de Béthune), которого Госсен справедливо не помещает в список пикардских литературных текстов, имеются некоторые черты пикардского диалекта.

5. Неясно, к какому изданию относится сокращение «Condé» (стр. 30) — к изданию Тоблера или к изданию Шелера, а между тем сравнение этих изданий показывает некоторые различия, не говоря о том, что Тоблер издал в одном томе стихи Ж. де Конде, в то время как Шелер издал в трех томах произведения и отца — Б. де Конде, и сына — Ж. де Конде.

6. В построении хрестоматии остается неясным порядок следования литературных текстов (в отличие от хартий, которые даны в хронологическом порядке с 1247 по 1286 г.).

¹ См. M. G y s s e l i n g, Les plus anciens textes français non littéraires en Belgique et dans le nord de la France, «Scriptorium», t. III, 1949.

Одним из недостатков общего характера в работе является отсутствие точных ссылок в цитируемых примерах (страницы и строки памятника не указываются). Такая подача материала лишает читателя возможности познакомиться с примерами в первоисточнике и критически отнестись к ним.

На двух вопросах хотелось бы остановиться подробнее. Госсен, как и многие другие исследователи, сомневается в фонетическом значении $ei < \hat{a}$ (см. стр. 36 и сл.), которое одни исследователи склонны рассматривать как дифтонг, другие — как закрытое e . Зона распространения ei в пикардском диалекте говорит о том, что оно пришло сюда, повидимому, из валлонского, где $ei < \hat{a}$ встречалось значительно чаще. Поэтому мы считаем возможным для решения вопроса о произношении старопикардского привлечь материалы нового лингвистического атласа Валлонии¹. В первом томе атласа встречаются всего четыре случая, восходящих к \hat{a} — карта № 36 *équerre* < **equādra*, карта № 37 *été* < *aestatem*, карта № 44 *frère* < *fratrem*, карта № 77 *porter* < *portare* и один случай \hat{a} в зигании — карта № 2 *année* < *annus* + суффикс *-ata*. Из четырех случаев в двух — *fère* и *équerre* — ни в одном из обследованных мест не наблюдается ei , в то время как в двух остальных примерах — *été* и *porter* — на самом юге валлонского диалекта дифтонгизация наблюдается неоднократно (ср. формы *estey*, *postey*). На карте *année* форма *anneye* распространена более или менее по всей территории Валлонии. Конечно, не всегда проекция данных современных диалектов в период XII—XIV вв. оказывается правильной; тем не менее нам представляется, что опубликование новых материалов валлонского диалекта говорит в пользу дифтонгизации $\hat{a} > ei$. Исходя из общей характеристики фонетической системы французского языка древнего периода, в данном случае скорее следует говорить о дифтонгоиде, чем о дифтонге.

Не убедительна полемика Госсена с Сюрье и другими исследователями о развитии дифтонга *ai*. Госсен, в отличие от своих предшественников, полагает, что *ai > e* уже в конце XIII в. (стр. 40—41). Приводимые им доказательства (написания с e в этих случаях или рифмы типа *fais-tu*: *festu* : *vestu*) не убеждают читателя, который должен учитывать «смешанный характер пикардской письменности». Если речь идет о преобладании рифм типа *fais-tu*: *festu* — над рифмами типа *laisse*: *manace* (Aucassin et Nicolette), то следовало бы привести точные статистические данные. Кстати, примеры из этого текста Госсен не приводит, а о тенденции к монофтонгизации $ai > a$ автор говорит мимоходом, приводит примеры лишь в сноске. Для решения вопроса о развитии *ai* интересно было бы привести и материалы современных говоров.

В заключение хочется сказать несколько слов об основной теоретической предпосылке рецензируемой книги. Ш. Т. Госсен является сторонником известной теории Морфа о том, что по всей северной Франции наблюдается совпадение диалектных границ с границами диоцезов². Соответственно Госсен пытается везде, где возможно установить изоглоссу того или иного явления, сопоставить эту изоглоссу с границами церковного управления. Кое-где ему удается обнаружить совпадения (см., например карту на стр. 127), в некоторых же случаях ему приходится ограничиваться указанием в каких диоцезах распространено то или иное явление (см., например, стр. 46 $\hat{e} [> ie$). Названную теорию Госсен принимает целиком в том виде, в каком ее изложил Морф не учитывая большой полемики, возникшей вокруг этой работы. Так, Этмайер, пересмотрев данные первоисточников, которыми пользовался Морф для севера Франции (Пикардия), не обнаружил здесь этого совпадения и подверг сомнению исходный тезис Морфа³. Хасельрот, изучая границы франко-провансальских говоров, говорит, что материалы исторического атласа Лоньона, которыми так часто пользуются для определения границ диоцезов, являются недостаточно точными и т. д.⁴ Учитывая все это, Госсену следовало бы указать, каким материалом он пользовался для установления границ диоцезов.

Вопрос о соотношении языковых явлений и границ диоцезов — очень сложный и спорный. Несомненно, что в отдельных случаях действительно можно найти совпадения этих границ, тем более что церковная власть в средние века часто одновременно была и политической, государственной. Но тезис о том, что как границы диалектов, так и границы отдельных диалектных черт обусловлены делением на церковные окру-

¹ См. L. Remacle, Atlas linguistique de la Wallonie, t. I, Liège, 1953.

² См. H. Morf, Zur sprachlichen Gliederung Frankreichs, «Abhandlungen der Königlich Preussischen Akad. der Wissenschaften», Jg. 1911, Phil.-hist. Kl., Berlin, 1911.

³ См. K. Ettmayer, Über das Wesen der Dialektbildung, erläutert an den Dialekten Frankreichs, Akad. der Wissenschaften in Wien, Philosoph.-hist. Kl. Denkschriften, Bd. 66, 3 Abh., Wien, 1924, стр. 13.

⁴ См. B. Hasselrot, Sur l'origine des adjectifs «nostron», «vostron» en franko-provençal, «Mélanges de linguistique et de littérature offerts à E. Walberg, Uppsala, 1938 (Studia Neophilologica, vol. XI).

га, нам представляется неприемлемым, поскольку известно, что диалектное дробление Франции обусловлено с генетической точки зрения не только церковно-политическими границами, но и границами расселения племен, границами романизации и германизации, а в некоторых случаях — и географическим ландшафтом.

Нам хочется также подчеркнуть, что книга Ш. Т. Госсена является единственной работой, в которой суммируется состояние старошкардского диалекта. Для этого автор собрал и систематизировал очень большой фактический материал, используя в основном все изданные литературные памятники и хартии, а также значительное количество архивных документов. Необходимость такого исследования давно назрела и ощущается всеми диалектологами и историками французского языка. Однако книга Ш. Т. Госсена представляет не меньший и теоретический интерес благодаря постановке вопроса о шкардском диалекте как о самостоятельной языковой единице, а также сравнительному изучению языка деловых документов и литературных памятников.

М. А. Бородина

Испанско-русский словарь. Около 42 000 слов. Под общей ред. Ф. В. Кельвина. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 944 стр.: 1-е изд.—1953; 2-е изд.—1954.

Издание в 1953 г. Испанско-русского словаря приветствовалось всеми советскими испанистами: студентами и преподавателями вузов, переводчиками и филологами. Полезен словарь и для испанцев, изучающих русский язык. Напомним, что последнее издание Испанско-русского словаря вышло в 1937—1939 гг. Оно было очень неполным (30 тыс. слов), содержало много неточностей, опечаток и прямых ошибок и не отражало в целом состава лексики современного испанского языка. Более полное издание 1930—1931 гг. стало библиографической редкостью. Воплоще понятие поэтому, насколько своевременным было появление Испанско-русского словаря, содержащего около 42 тыс. слов. Авторский коллектив тщательно пересмотрел словарные статьи предыдущих изданий. Многие неточности и ошибки при этом были устранены. Исправлена также организация словарных гнезд. Новый словарь, таким образом, и по объему, и по своему качеству превосходит предыдущие издания. В этом сказался прежде всего огромный опыт, накопленный и частично теоретически обобщенный Издательством иностранных и национальных словарей.

Х а р а к т е р и с т и к а словника. Обращает внимание, что, несмотря на умеренный объем словаря, авторы сумели отразить в нем широкий круг лексических явлений. В частности, учитывая растущий интерес советских читателей к произведениям современной латиноамериканской литературы, составители внесли большое количество американизмов с указанием, в каких именно странах Латинской Америки употребляются те или иные слова и выражения. Отмечены также и отдельные значения испанских слов, свойственные языку Латинской Америки. В этом смысле словарь, несомненно, сыграет большую положительную роль, способствуя ознакомлению наших читателей с передовой латиноамериканской литературой, помогая им глубже проникнуть в смысловые и стилистические особенности ее языка.

Важно подчеркнуть, что в словаре весьма полно представлена также общественно-политическая лексика и научно-техническая терминология.

Составители проявили много такта в отборе устаревших, архаичных для современного языка слов. В задачи авторов входило, очевидно, не только подобрать словник современной испанской лексики, но и включить в него некоторые лексические факты, характерные для языка классической эпохи и необходимые для понимания произведений XVI—XVII вв. Авторский коллектив, на наш взгляд, достиг этой цели. Можно было бы лишь упрекнуть составителей в том, что, вводя в словарь архаизмы, они не всегда при этом делали соответствующую помету. Например, лишено пометы такое слово, как *maguer* «хотя», совершенно неупотребительное в современном языке.

Несколько менее благополучно обстоит дело с неологизмами в области испанской общепарадной лексики. Чувствуется, что авторский коллектив ориентировался главным образом на предыдущие издания испанских академических, толковых, энциклопедических и других словарей, не проводя систематической работы над современной испанской и латиноамериканской литературой и особенно периодической печатью. В словаре не отмечены многие новые слова и выражения, не зафиксировано в нем и семантическое обогащение ряда слов, изменивших свою смысловую структуру. Например, мы не находим таких образований, как *tiralevitas* «льстец, подхалим», *pollo pera* «франт, щеголь», *pluma fuente* «самопишущая ручка», *trinchera* «плащ, пыльник», широко распространенных в современном языке. В статье *recoger* отсутствует значение «выразить, отразить», весьма характерное для современного испанского языка.